

Статья В.М. Сергеева "Исторические истоки русской политической культуры", опубликовано в журнале "ПОЛИС", №4, 2012 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В.М. Сергеев

Ключевые слова: политическая культура, социальные сети, формирование государства, Русь, варяги, торговля рабами.

Особенности политической культуры России

Вряд ли кто усомнится, что русские обладают весьма специфической политической культурой. Я хочу подчеркнуть, что это именно *русская* политическая культура, а не *российская*, потому что российская политическая культура начала формироваться только с момента создания империи, может быть, столетием раньше. И эта российская имперская политическая культура в полной мере развилась только к XIX в. Что касается русской политической культуры, то она, как считали многие исследователи, подверглась сильному воздействию степных кочевников, начиная с XII в., в особенности в период так наз. монгольского ига, чем, на взгляд многих либеральных историков, и объясняются некоторые ее особенности, в частности консервативность, склонность к авторитаризму, неспособность адаптировать институты политической демократии. Мне уже приходилось писать об особенностях русской политической культуры, тех, что связаны с византийским наследием (соборность) [Sergeyev, Biryukov 1993]. В данном исследовании меня будут интересовать те черты русской политической культуры, которые относятся ко времени создания русского государства в IX-X вв. На мой взгляд, социальная система в значительной мере определяется именно в момент формирования, тогда же складывается и поддерживающая ее политическая культура. Это объясняется особенностями процессов формирования социальных сетей. Пред-государство состоит не из институтов, как полагали многие историки, в частности, занимавшиеся ранним периодом русской истории, а из социальных сетей, конфигурирующихся в соответствии с обстоятельствами. Институты возникают позднее, как бы затвердевая вокруг социальных сетей. Именно поэтому первоначальная сетевая конфигурация так важна, она во многом определяет будущую внутреннюю и внешнюю политику государства, когда государство формируется из сетевой пред-государственной конфигурации [Сергеев 2012]. Этот процесс и есть та "зависимость от пути" (*path dependence*), о которой писал Дуглас Норт [North 1991], процесс, аналогичный гистерезису в магнитных материалах. Общество оказывается пленником ранних стадий своего развития. Простым примером представляется случай, когда необходимые преобразования в обществе не проводятся, потому что они ухудшают положение элиты, которая одна только и в состоянии произвести эти необходимые преобразования. Подобная ситуация является доминирующей в русской истории. В частности, сложившаяся в обществе политическая культура (а поли-

тическая культура складывается в социальных сетях) оказывается кон-
тинентным фактором, препятствующим изменению социальной системы.

Даже беглый взгляд на русскую историю способен удивить одну ее бросающуюся в глаза, — изначальный "деспотизм" русских князей и Начиная со времен княжеских разборок X-XII вв., Ивана Калиты, а з Иван Грозного, и далее — Петра, императрицы XVIII в., власть демонстрирует неспровоцированную жестокость по отношению к подданным и часто — абсолютный произвол. Как иначе можно себе представить чудовищную жестокость удельных войн XII в., московское завоевание Новгород и Твери, сопровождавшееся полным разгромом этих городов и их населением, выходом из Москвы (практику, напоминающую поведение Чингиса или Ашшурбанипала, но ведь у них — по отношению к иноэтническому населению), опричнину, разделившую всю страну на две части и предоставившую право одной части грабить и разорять другую, "западнические" реформы Петра, осуществлявшиеся с характерной московской жестокостью, воевание Анны Иоанновны с ее польшейской системой, вплоть до некоего смягчения режима, произошедшего при Петре III. Революция 1917 г. подтвердила неоправданно жестокий характер политической культуры России, люди уничтожались просто из-за принадлежности к дворянству, интеллигенции. Это дало возможность ряду авторов говорить о характере "русской власти" [Пивоваров 2006: 12-32], но тогда, следовательно, нужно искать в истории истоки этой русской власти, и обратившись к естественным образом, к моменту зарождения государственности.

Происхождение государства в России вызвало очень много споров, в первую очередь полемику между сторонниками "норманской" и "аутохтонной" теорий происхождения. Не менее серьезные споры возникли вокруг связи с возникновением этнического названия "Русь" [Ловмянский 1985], о том, какие были варяжские корни, другие искали для него весьма экзотичные славянские обоснования. Мне представляется практически безнадежно продолжать эту полемику на основе исторических документов. Все достаточно хорошо изучено, аргументы с разных сторон практически исчерпаны. Гораздо более перспективным на нынешнем этапе исследований представляется социологический подход к проблеме. Со времен борьбы "норманов" и "антинорманов" существенно поменялись научные представления о процессах сложения государства, изучены многочисленные случаи возникновения государств, появилась теория социальных сетей, появились многие вопросы возникновения институтов. Исходя из "сетевого" взгляда на процессы возникновения и распада государств, нужно попытаться себе представить, чем могла бы быть Русь в IX-X вв., в каких условиях и из каких социальных предпосылок формировалось русское государство.

Большинство исследователей процесса возникновения русского государства (VIII-X вв.) чрезвычайно много внимания уделяют изучению "Повести временных лет". Между тем эта хроника, составленная примерно через столетие после описываемого ею призвания Рюрика, имеет историческую ценность в той мере, в которой она опирается на документы и относительно теорий, для которых она является единственным источником, говорящим о прошлом. В остальном же ее ценность примерно такая же

СЕРГЕЕВ Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра социальных проблем ИМЭИ МГИМО(У) МИД России. Для связи с автором: laris-puleva@rambler.ru

современных литературных произведений, описывающих события времен Иоанна Антоновича или Петра III. Изучение вопроса, конечно, должно опираться на письменные источники, но желательно, чтобы эти источники были по возможности современны описываемым событиям, или удалены от них существенно меньшим промежуток времени, чем столетия.

Заметим, что такие источники имеются. Это, прежде всего, свідетельства арабских путешественников, затем византийские источники (например, труд византийского императора Константина Багрянородного), и, наконец, западные источники (в том числе Бертинские анналы). Именно на эти источники следует опираться для воссоздания приблизительной картины того, что происходило в IX – первой половине X вв., и в соответствии со сделанным замечанием относительно примата социологического подхода обращать внимание в первую очередь на те особенности источников, которые дают социальную картину взаимоотношений Руси и славянских племен в указанный период.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КЛАДОВ СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ РОССИИ

Но вначале попробуем вернуться к одной давно обсуждаемой теме, внешне как будто не связанной с рассматриваемыми проблемами. Откуда на территории России такое количество кладов серебряных монет, и почему этот поток серебра с Востока внезапно прекращается в начале XI в. (в кладах не находят монет позднее 1015 г.)? Причиной резкого пресечения потока серебра на среднерусскую равнину считается истощение серебряных рудников Средней Азии, где чеканилось большинство монет, находившихся в кладах. Однако очень трудно представить причиной столь резких изменений истощение серебряных рудников. Такие рудники существовали в разных местах, и крайне маловероятно, что все они истощались одновременно. Стало быть, имеет смысл поискать иную, социологическую причину прекращения потока восточного серебра.

Попытаемся выявить причину появления этого огромного количества кладов на среднерусской равнине. Ясно, что приток серебра являлся результатом торговли. Но торговли чем? Трудно допустить, что это был результат торговли мелом или даже пушниной. Размеры кладов предполагают нечто иное. Множество кладов состоит из сотен монет, нередки случаи находок и значительно больших кладов в сосудах, весом в 3–4 кг, а неподалеку от Лалогин под корягой сгнившего дерева был найден клад, которым нагромули целую лодку, по оценке информатора порядка 14 пудов серебра! [Марков 1910]¹.

Эта цифра сопоставима с количеством английских монет, найденных в кладах Скандинавии (40 000 монет или 160 кг). Г.С.Лебедев [Лебедев 1985] на основании сопоставления суммы даней, взимавшейся викингами в Англии с количеством монет, найденных в кладах, посчитал, что выплаты примерно в 300 раз превосходят по весу "ископаемое серебро". Проведя соответствующие оценки для Центральной и Северной России, мы получим цифру в 150–200 тонн серебра, циркулировавшего на этой территории в период с начала IX по конец

X вв. Г.С.Лебедев приводит цены на рабов – 100 дирхемов на Севере и 200 дирхемов на Востоке (при этом цена на рабыню варьировалась от 2000 до 4000 дирхемов). В результате цифры экспорта рабов из областей Центральной и Северной России за два века с конца VIII по конец X вв. можно оценить примерно в 400 000 чел. (в это время население всего региона вряд ли превысило 500 000 чел.), или по 2000 чел. в год. Учитывая, что в лодку одновременно можно было поместить больше 20–30 рабов плюс примерно столько же везомых вещей, мы получаем вполне разумные цифры транспорта – по крайней мере лодок ежегодно, что хорошо согласуется с размером ежегодных транзитных платежей, указанных, например, в труде Константина Багрянородного. Отметим также существенное превышение цен "на мировых рынках" по сравнению с местными ценами делало исключительно выгодными торговые поездки на Восток для продажи рабов и неконкурентоспособной торговли дарами (корова 35 дирхемов, меч 35–50 дирхемов). Это хорошо объясняет деяния Ибн Хордадбека о дальнейшей торговле русов на Востоке (см. ниже). В купности эти данные свидетельствуют о том, что русь (чем бы она ни была) вписалась или скандинавским этносом или обозначением "профессионального" шествия массовую торговлю рабами.

Вряд ли этого не знали историки, описывавшие состояние общества X вв., но, на мой взгляд, они не делали из этого всех необходимых выводов. Торговля рабами предполагает, что этих рабов надо откуда-то взять. На среднерусской равнине не было таких постоянных войн, как, например, между славянами и германцами в районе Эльбы и Балтийского побережья, войн между западно-славянскими государствами и аварами, которые давали бы постоянный приток большого количества рабов. Население среднерусской равнины было преимущественно земледельческое, жило в весьма недоступных местах, и поэтому появление такого количества рабов, вывозимых с этой территории, представляется удивительным историческим феноменом.

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ИСТОЧНИКИ О РУСИ И СЛАВЯНАХ

Исследование исторических источников в таком трудном вопросе, как процесс государственного строительства в Центральной и Северной России X вв., требует профессиональных филологических знаний (прежде всего в языках, на которых сохранились источники) и прекрасного владения лингвистической техникой². Я не претендую на столь обширные филологические знания, но к счастью, большинство источников издано на общедоступных европейских языках. Это существенно облегчает работу. Нам будут сопать только "макрохарактеристики" описания ситуации, т.е. различия между социальными группами и этносами, типы группового поведения, указание на онтологические модели социальных групп.

Вглядимся более пристально в арабские источники X вв. Наиболее подробные арабские тексты, касающиеся ситуации в Восточной Европе, — это сочинения Ибн Русты (первая половина X в.), Ибн Фадлана (начало X в.), Ибн Хордадбека (начало IX в.), Гардини (первая половина XI в.), Истахри (X в.), Ибн Халкана (X в.). В 1962 г. Б.Н.Заходером был опубликован "Капитальный свод сведений

¹ Проведенный нами на основании данных "Топография кладов восточных монет" А.Маркова примерный подсчет общего числа монет в кладах на территории Центральной и Северной России составляет 300–400 кг (несколько находок указаны достаточно неопределенно). На основе монетных граффити скандинавского происхождения [Шобровольский, Дубов, Кузнецов 1991; Дубов 1989].

² О трудностях подобного исследования см. [Новосельский 1990].

з Восточной Европе", в котором были выделены наиболее часто повторяющиеся темы, связанные с описанием условий жизни и обычаев народов, живших в интересующее нас время вокруг Каспия. Следует заметить, что восточные географические сочинения были, как правило, компилятивными, а сообщаемые в них сведения часто относились к существенно более древним временам, чем время написания рукописи. Тем не менее, именно эта компилятивность (т.е. прямое заимствование из более ранних источников) в известном смысле позволяет рассматривать их как более достоверное описание раннего положения дел, чем русские летописи. Летописание на Руси вряд ли существовало в X в., в то время как восточных текстов X в. достаточно много, и в них описывается действительная ситуация, существовавшая в конце VIII–IX вв. В этих источниках проводится тщательное разделение между славянами и Русью. При этом Русь описывается в стиле, чрезвычайно похожем на описание реалий эпохи викингов [см., напр., Гуревич 1966, 1972, 1979; Стеблин-Каменский 1967, 1971]: отряды вооруженных людей, разъезжающие на кораблях, погибшие сжигаются на этих же кораблях, русы не имеют обрабатываемых полей, русы постоянно нападают на славян, захватывают их в плен и продают, каждый воин похваляется собранным им большим количеством серебряных монет.

Вот некоторые примеры [Захедер 1962]:

"Что касается русов, то они на острове, вокруг озера, остров, на котором они живут, пространством в три дня пути... У них есть шарь, именуемый хахан — рус" (Ибн Русте).

"Они (русы) нападают на славян, садятся на суда, отправляются к ним, похищают их, вывозят в Хазарию и Булгар, продают их; нет у них полей (пахотных), так как они едят то, что привозят из земли славян" (Ибн Русте).

"Иногда они (русы) идут за Рум в страну славян, затем до Хамлиджа, столицы хазар, затем в Джурджанское море, затем до Балха и Мавераннахра, затем до кочевий тогуз-гузов, затем до Китая" (Ибн-Хордаблах).

"Постоянно по сотне и по двести человек они ходят на славян, насилем берут у них припасы, чтобы там существовать; много людей из славян отправляются туда и служат русам, чтобы посредством службы обезопасить себя" (Гардизи).

"Ар-рус — их три разряда. Один разряд их — ближайший к Булгарам, шарь находится в городе, называемом Куйаба; он (город этот) — больше Булгара; один разряд — самый дальний из них — называется ас-салавийя; один разряд, называемый ал-арсенийя; шарь их находится в Арса; люди достигают Куйаба по торговым делам, а что касается Арса, то вот не указано, чтобы кто входил туда из иноземцев, так как они убивают всякого, кто из иноземцев вступил на их землю..." (Истахри).

Заметим, что упоминание об острове, на котором живут русы, могло появиться из интерпретации скандинавского названия местности, где расположен Новгород (на древнескандинавском — Хольгард, букв. *огражденный остров*).

Интересны свидетельства о частной жизни русов [там же]:

"Когда у кого из Руси родится сын, отец новорожденного берет обнаженный меч, кладет его перед дитятей и говорит: 'Не оставляю тебе в наследство никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом'" (Ибн Русте).

"Русь не имеет ни движимого имущества, ни деревень, ни пашен, единственный промысел их — торговля собольими, беличьими и другими мехами. Плату же, получаемую деньгами, завязывают накрепко в пояса свои" (Ибн Русте).
"Любят опрятность в одежде; даже мужчины носят золотые браслеты. Рабами обращаются хорошо..." (Ибн Русте).

"Я видел русов, когда они прибыли по своим торговым делам и разжигались у реки Атыл. Я не видел людей с более совершенными телами, и они подобны пальмам, белокуры, красны лицом, белы телом" (Ибн Русте).

"Городов у них большое число и живут в довольстве" (Ибн Русте).

"У них — знахари; они господствуют над шарем подобно хозяевам, они казнят приносят в жертву создателю то, что они пожелают: женщины, чин, табуны лошадей; если прикажут знахари, никому не избежать совершить приказ; захватывает знахарь то ли человека, то ли домашнее животное, и бросает перекру на шею и вешает на дерево, пока не утечет дух его; говорят, что это жертва богу" (Ибн Русте).

"Шаровары носят широкие: сто локтей идет на каждые" (Ибн Русте).

"Они имеют обыкновение носить шерстяные шапки со свесившимся стном к затылку" (Гардизи).

"Никто из них не испражняется наедине: трое товарищей сопровождают его непременно и оберегают. Все постоянно носит при себе меч, потому мало доверяют друг другу, и потому что коварство между ними деловое: если кому удастся приобрести хотя бы малое имущество, то другой брат или товарищ тотчас же начинает заводить и домогаться, как убить или ограбить" (Ибн Русте).

Наибольшее доверие в соответствии с высказанным выше принципом мы вызываем свидетельства Ибн Хордаблеха, Ибн Фадлана и Ибн Руста. Ибн Русте и был компилятором (правда, очень ранним). Приведенные руси очень похожи на описание скандинавов, поселившихся на территории центральной России и живших грабежом и продажей в рабство местного населения. Эта картина, в деталях которой мы вряд ли можем сомневаться, так как свидетели, несомненно, имели прямой контакт с описываемым сообществом, позволяет поставить вопрос о стиле жизни.

Было ли это сообщество этносом, или же — сугубо функциональным образованием, вобравшим в себя представителей различных этнических групп? Полагаю, что арабские свидетельства, прямо отрицающие любую производственную деятельность русов, ясно говорит в пользу второго толкования. То есть в VIII–X вв. на территории среднерусской равнины, всему, действовали "пиратские отряды", в основном, по-видимому, скандинавского происхождения. Жили эти "пираты" преимущественно в устье Ладого-Ростов-Киев (центры руси, известные по различным летописным упоминаниям), возможно, вместе с элементами славянского происхождения, и занимались охотой на местных жителей, захватываясь сельским хозяйством, оспаривали их, а потом пропавали на запад или в Византию.

Но для того, чтобы осуществлять эту деятельность, им нужно было иметь во внимание способ транспортировки и климат. Транспортировка осуществлялась на кораблях, и сама поездка из Центральной России на запад или на юг была связана с большими трудностями.

России в Константинополь по Днепру или в Багдад по Волге, должна была занимать несколько месяцев. Между тем реки в Центральной России судоходны немногим более полугода, т.е. времени только-только хватало на путешествие туда и обратно. Отлов рабов — это сложная операция, требующая достаточно много времени. Пойманные жители среднерусской равнины должны были содержаться поймавшими их в каких-то центрах Средней России в ожидании отправки, и ясно, что содержание большого количества рабов — дело весьма хлопотное, требующее неперестанного внимания. Таким образом, поселения Руси на месте Ярославля, Ростова, Смоленска, Киева должны были превращаться в своего рода концентрационные лагеря. Подтверждением этой гипотезы служат то, что Средняя Россия в Скандинавии того времени получила название Гардарика. Это название вызвало широкую полемику. Большинство русских историков, интерпретировали это название как "страна городов". Но Е.А.Рыдзевская [Рыдзевская 1978] и Е.А.Мельникова [Мельникова 1986], посвятившие указанной проблеме специальные работы, отмечают, что термин *Gard* в Скандинавии никогда не означал город, но лишь "ограду", огражденное место, и предлагали рассматривать *Gard* как формант, который лишь в процессе взаимодействия с русским языком, по сходству, приобрел указанный смысл. Мне представляется очевидной иная интерпретация, исходящая из буквального толкования шведского слова, прямой апелляции к значению в древнескандинавском языке, указывающему на практику содержания в неволе большого количества людей. Это не "страна городов", а "страна изгородей" или, выражаясь современным языком, "страна концлагерей". Такая интерпретация, возможно, находит определенное подтверждение в данных археологии. Тимиревское поселение под Ярославлем, причисляемое археологами к торговому поселению "открытого типа", наряду с обилием находками изделий скандинавского происхождения и погребениями скандинавского типа, содержит странное место, обнесенное деревянным частоколом, что интерпретировалось как место для хранения товаров и оборонительное сооружение [Славяне и скандинавы 1986]. Это место вполне могло выполнять функцию "концентрационного лагеря" для рабов, ожидавших продажи³.

Привычка содержать большое количество рабов, надзирать над ними, а потом вести в цепях на кораблях на рынки Константинополя и Востока, должна была наложить заметный отпечаток на ментальность Руси. Если это действительно были банды разбойников, имевшие полиэтническое происхождение, то подпитывались эту квинтэссенцию должен был людями достаточно аморальными, которые соглашались ради очень хорошей прибыли ловить и продавать своих же сородичей. В дальнейшем, когда социальные сети варягов начали трансформироваться в государственную власть, выработанная в процессе работорговли ментальность распространилась на взаимоотношения господствующего класса и подданных.

Заметим, что славяне описываются Восточными географами в совершенно отличном от руси стиле [Захлер 1962]:

³ Стоит так же вспомнить русское слово "остров" (покрай), которое в украинском языке имеет значение "плотина с крышей" [Фисмер 1987], напоминающее о странных находках временных домов вдоль Волжского пути.

"Разведением свиней занимаются они (славяне), равно как другим животным" (Ибн Русте).

"Нет у них виноградников и нет полей (пахотных). Есть у них пчелы из дерева; в них сделаны ульи для пчел и их меда, называемых выходящих из одного кувшина десять абарик" (Ибн Русте).

"Все славяне — отвесклонники" (Ибн Русте).

"Хлеб, наиболее ими возделываемый, — просо" (Ибн Русте).

"У них всякого рода музыкальные инструменты, как то: лютия, гусли и тому подобное..." (Гардизи).

"Хмельной напиток приготавливают на меду" (Ибн Русте).

"У них есть обычай строить крепость, собираются несколько человек, строят крепость, так как маляры постоянно нападают на них и грабят. Когда маляры приходят, славяне удаляются в построенные ими крепости и укрепленные они большей частью проводят зиму. В крепостях и укрепленных они большей частью проводят зиму, живут в лесах. У них много пленников" (Гардизи).

"Царь их обязывает их ежегодно. Если у кого есть дочь, обязан (царю) по одному из ее платьев в год. Таким же образом обязан давать и из платьев сына его, если есть сын..." (Ибн Русте).

"Верховных лошадей у них мало... Оружие их — копья, щиты, дротики. У них ничего кроме этого... Упомянутый известный у них как глава племени Свет... У этого царя — выючный скот. Нет у него иной еды, кроме молока. У него прекрасные, крепкие, драгоценные кони, в котором он живет, называется Джрнб; три дня в месяц там прощипывают" (Ибн Русте).

Славяне описываются, как земледельческий народ, достаточно занимающийся разведением пчел, живущий в лесах. Нет и упоминаний о кораблях. Заметим, что арабские источники свидетельствуют о том, что славяне имели своих князей, свою прото-государственность.

В полемике "норманистов" и "антинорманистов" (ее обсуждал Ловмянский 1985) неоднократно использовался тезис о том, что не и скандинавы находились примерно на одном уровне социальности, и, в силу этого, бессмысленно говорить о том, что варяги принесли славянам идею государственности. Это конечно так, но отвергает тезис о создании варягами "русского государства", в котором они составили господствующий класс, а основным населением были славяне. Иначе, что отрицать реальность государства франков или лангобардов, в котором основным населением было латинизированное население Галлии и Италии.

Русь в "Повести временных лет"

По соображениям, приведенным выше, мы не будем рассматривать подробно сведения о русах в "Повести временных лет" [Повесть временных лет]. Предание о призвании варягов на Русь явно носит сказочный характер. Многократно указывали исследователи этого текста. Для нас имеет значение один фрагмент из договора Олега с Византией, а именно тот, где перечислены участники договора с Русской стороны: "Мы от рода русского, Ларь, Фарлаз, Веремид, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фелав, Рюар, Ак..."

Лидулфост, Стемид, посланные Олегом Великим, князем Русским...". Заметим, что среди послов (вероятно, дружинников) нет ни одного явно славянского имени. Это скорее всего свидетельствует о том, что подлинное число дружинников были варягами. Эту странность пытался объяснить тем, что посланные выполняли дипломатическое поручение. Тем не менее, важность этого поручения побуждает предположить, что его должны были бы выполнять лица наиболее доверенные. Мы видим, что среди этих наиболее доверенных лиц не оказалось ни одного славянина, что дает ясное представление о характере власти Олега, который сам, как отсюда следует, славянином не был.

РУСЬ В ВИЗАНТИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Самое раннее упоминание о росах в западных источниках имеется в "Бертинских анналах" за 839 г. В них говорится о посольстве правителя, называемого хакан-рус, в Византию, которое из-за трудностей на обратном пути вынуждено было ехать через Западную Европу; при этом обнаружилось, что посольство состоит из шведов.

Существует много источников византийского происхождения, в которых упоминается русь (росы), хронологически эти источники появляются в первой половине IX в. Наиболее важным из них является сочинение Константина Багрянородного "Об управлении империей" [Константин Багрянородный 1989], в котором для описания русов использует термин "рос" (*Rhos*).

Вот наиболее важные места из этого текста:

"Итак, все они (росы) спускаются по реке Днепр и сходятся в крепости Киева, называемой Самбитас. Славяне же, их пактиоты, а именно кривичи, дензвинины и прочие Славинины — рубят в своих горах моноскислы (однодревки — В.С.) во время зимы и, сняв их, с наступлением весны, когда растает лед, выводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти водоемы впадают в реку Днепр, то они из таинственных мест выходят в эту самую реку и отправляются в Киев. Их вытаскивают для оснастки и продают росам. Росы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноскислы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство..."

И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются к Витичеву, которая является крепостью-пактиотом росов и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноскислы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр".

Далее следует очень подробное описание преодоления порогов с указанными названиями порогов на языках росов и славян: Эссуни (не спи), Улворси (Островунипрах), Геландри (шум порога), Анфор (неасит).

"Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Неусыпно несут стражу из-за пактиотков. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноскислах, выводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не миноват порог. Затем также, одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноскислы по сю сторону порога и внеся груз, входят сами и снова отплывают".

Далее снова следует описание порогов, с двойными названиями (на языках росов и славян): Варуфорос (Вулунпрах), Леандри (Веручи), Струкуни

(Напрези)... "Когда они достигают острова, то дают себе отдых до двенадцати. И снова они переоснащают свои моноскислы всем тем нужным, что недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили с Ог Дичины они достигают Месемврии — тех мест, где завершается и последнее и страшное, невыносимое и тяжелое плавание..."

Когда же наступает ноябрь месяц, тогда их архонты выходят со всем ми из Киева и отправляются в полудня, что именуются "кружением", но — в земли Славинины, веризанов, другивитов, кривичей, сериисов и славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всего года, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом же, взяв свои моноскислы, они оснащают их и отправляются в Романью".

В этом рассказе, удивительно подробном, и потому, по-видимому, верном, следует особо обратить внимание на некоторые аспекты: ситуационное положение славянских племен, очень последовательное описание росов и славян, ясные языковые свидетельства о различии языка и языка славян (названия порогов на языке росов имеют явно скандинавскую этимологию), свидетельства о целях путешествия (продажа рабов). Интересно заметить, что никакие другие товары не упоминаются. В это достаточно очевидно, так как выгода от продажи рабов существенно превышала выгоду от продажи других товаров. Кроме того, в таком трудном путешествии легкость транспортировки рабов (которые шли сами, а то и другие товары на порогах необходимо было нести на руках), была достаточно сильным аргументом в пользу работорговли. Описание мелких деталей путешествия, особенно при преодолении днепровских порогов, и последующее жертвоприношение выдает оцепенение, скорее всего одного из участников византийских посольств к хакану руси.

В части паразитического образа жизни росов свидетельство Константина Багрянородного хорошо согласуется со свидетельствами арабских географов.

СДВИГ ПУТИ АРАБСКОГО СЕРЕБРА

Теперь мы можем ответить на вопрос о причинах возникновения и византизм прекращения притока арабских монет. Дело в том, что сложная пути доставки рабов по местам зарытых кладов, мы видим, что в IX в. эти пути ведут с юга и их следы тянутся вдоль Днепра, а потом по Волге и Балтийскому морю. В X в., точнее, со второй половины IX в. география кладов резко меняется — они идут вдоль Волги, дальше чем до Ильмень, к Лалог (Янин 1956; Рыднина 1988; Даркевич 1976). Завершение путешествия арабского серебра в районе Готланд, где число кладов действительно велико (о путях работорговли см. [Мишин 2002]). Этот сдвиг юга на север наиболее естественно объяснить тем, что по мере познания русского государства, т.е. перехода "пиратских шаек" от ловли к более регулярным формам господства, работорговля, направленная на новые рынки, стала резко сокращаться. С образованием полугородско-княжеского государства стало гораздо выгоднее обкладывать среднерусские дани, чем похищать оттуда людей и продавать их в другие страны. В это время кладов арабского серебра исчезают.

Вряд ли, однако, изменение принципов получения прибыли существенно изменило менталитет тех, кто составлял основу складывающейся государственности. Государственность Киевской Руси основывалась не на законах и не на призывании варягов, наведших порядок в земле, которая "велика и обильна". Основой государственности становились социальные сети людей, спаянных не этническим происхождением, а "общим делом". В этой ситуации, как мы хорошо знаем из опыта 1990-х годов, правит не закон, а "понятия", которые впоследствии институционализируются. Но ясно, что в летописях XI в. описывается ситуация возникновения государства с позиций уже сложившегося государственного порядка, когда истоки возникновения государственности были уже основательно забыты.

Киевский каганат

Рассмотрим теперь подробнее то предгосударственное образование, которое принято называть Киевским каганатом и свидетельства о котором мы имеем в "Бертинских анналах". Археологических свидетельств о Киеве этого периода (VIII-IX вв.) мало. Судя по свидетельствам "Бертинских анналов", правящий класс состоял в основном из шведов. В отечественной исторической литературе неоднократно делались попытки интерпретировать ситуацию следующим образом: так как местные (славянские) князья нанимали варяжские дружины, то якобы именно с этими дружинниками и имели дело франки и византийцы. С социологической точки зрения эта модель взаимоотношений между местным населением и пришельцами не выдерживает критики. Если основная часть вооруженной силы состоит из сплоченных, знающих друг друга людей (социальной сети), принадлежащих этносу, отличному от местного, и, ко всему прочему, занимающемуся сбором дани с местного населения, то эта дружина неизбежно захватит власть. Социальная сеть займет властную позицию, так как нет никаких противостоящих ей сил. Исторических примеров такого рода очень много, достаточно вспомнить, например, поведение норманнов в Южной Италии. Следовательно, такая ситуация блокируется только в том случае, если в составе дружины имеется достаточно "местных сил", способных противостоять пришельцам. Что же можно было ожидать в случае Киевского каганата? Доминирование варяжского элемента вряд ли можно опровергнуть (о проникновении скандинавов в Восточную Европу см. [Глазырина 1996; 2002; Джаксон 1994; Nihlen 1928; Netman 1942]). Это не значит, что в составе "разбойничьей группировки" не было представителей других этносов. Ситуация могла напоминать пиратские центры в Карибском море в XVII в., где флибустьерское население Тартути было интернациональным. Киевский каганат мог включать в себя не только социальные сети скандинавских викингов, но и представителей готского населения, выживших после разгрома "державы Германариха" гуннами (о распределении славянских и германских племен по территории Восточной Европы см. [Седов 1976: 68-108; 2002]; заметим, что остатки готы существовали в Крыму [Буданова 1990; Байер 2001; Фаддеева, Шаповалов 2005] и говорили на готском языке еще

в XVII в.)⁴. В состав этой "пиратской республики" могли быть включены и другие поляне, и наконец, достаточно очевидно присутствие иудейских "скандинавов". В целом социальная ситуация в Киевском каганате, по моему мнению, напоминала ситуацию в Скандинавии в ранний период эзсыки викингов, может быть, даже ситуацию в Исландии в начальный период колонизации (см. [Стеблин-Каменский 1967; Гуревич 1966]), особенно сравнивая сцену сценарий из Ибн Русты о зависти в среде русов).

Сообщение "Повести временных лет" об изгнании варягов связано с началом, именно с концом этого предгосударственного образования, именно в период Киевского каганата сформировалась политическая культура, которая дает о себе знать до настоящего времени. Интересно заметить, что географические знания скандинавов о Центральной России в Киевском каганате, когда, казалось бы, контакты были наиболее интенсивными, были минимальными, и резко возрастают в XIII-XIV вв., контакты ослабевают [Джаксон 2001]. На мой взгляд, этот парадокс объясняется тем, что скандинавские поселения, жившие на территории Центральной России, относительно мало общались со своими шведскими соратниками. Киевский каганат был автономным от Скандинавии образованием. Можно заметить, что под Киевским каганатом я имею в виду предгосударственное образование эпохи викингов, а не Киевскую Русь. На мой взгляд, граница между ними следует проводить по концу княжения Олега.

Проблема политической культуры

Как же можно охарактеризовать эту политическую культуру? Во-первых, общество было отчетливо разделено на две страты. Первая — "хозяйствующие", которые обладали силой и делали то, что хотели — брали рабов с территории второй страты, грабили ее как хотели и ни за что не несли ответственности. Вторая страта, подчиненная, была самостоятельным хозяйственным комплексом, который генерировал богатство и человеческий материал, дически отбиравшийся высшей стратой. Именно эту экономическую ситуацию описывают арабские и византийские свидетели. Заметим, что эта система социального паразитизма (кетати, о которой упоминается в исландских сагах как система отношений между наемниками и саами; см. напр. Сагу об Эгиле [Исландские... 1956]) в Киевском каганате обладала высокой вертикальной мобильностью (см. приведенное наблюдение Горазеи). У отдельных, по-видимому, наиболее физически сильных и лишенных морального чувства представителей низшей социальной страты все же был выбор — быть ограбленными и превращенными в рабов или самим превратиться в грабителей и работорговцев.

Так в процессе взаимодействия между стратами понемногу формировалась политическая культура русского государства, правящий класс которого быстро осваивался, сохраняя усвоенные от варягов стереотипы поведения.

Привычка терпеть беспредел со стороны правящей элиты стала характерной чертой русского народа (здесь происходит перемена самоназвания

⁴ Именно в районе Киева находят большое количество монет римского времени, что ясно указывает на расположение торгового центра готской державы [Кротоцкий 1960].

⁵ Первый письменный документ из Киева написан на древнеиудейском языке [Гольдберг 1997] и свидетельствует о значительном еврейском населении в Киеве.

ся — славяне становятся русскими). Следует заметить, что такое поведение подвластных определялось географическими и социальными особенностями ситуации: большой территорией с редким населением, которое просто не в состоянии было организовать отпор пришельцам, и высокой территориальной мобильностью этих пришельцев, передвигавшихся на быстроходных судах и очень хорошо вооруженных и обученных коллективным действиям. Дружины викингов состояли из очень сильных воинов, прекрасно владевших оружием (весьма дорогим) и, конечно, земледельцы, жившие небольшими деревнями и разводившие пчел, любящие играть на музыкальных инструментах, не могли им сопротивляться, что впрочем не исключало иногда таких бунтов, как убийство Игоря за явный беспредел (он, как известно, пришел за данью второй раз, только что получив ее). Далее в силу удаленности от скандинавской родины и притоком славян в правящий класс произошла смена языка у завоевателей — явление, хорошо знакомое по ситуации в Нормандии и на Юге Италии, где завоеватели забывали свой язык за два-три поколения.

Но характеристические черты — тенденция к властному произволу, значительное число иностранцев, открытость для вертикальной мобильности и негативный отбор характеризуют правящую элиту России на протяжении более чем тысячи лет. Конечно не во все времена эти черты проявлялись с одинаковой силой, но во времена национальных кризисов — в период татарского завоевания, опричнины, Смутного времени, царствования Петра, во время революции 1917 г., президентства Ельцина снова и снова этот характер русской элиты с очевидностью проявлялся. Откуда такая привычка к эксплуатации рабского труда до середины XIX в.? Откуда страсть к созданию концлагерей после революции 1917 г.?

Как же можно объяснить этот таинственный феномен? Каким образом свойства социального поведения передаются от поколения к поколению, часто при полной замене персонального состава правящей элиты?

По-видимому, решающую роль в этом процессе играет историческая память, опять же связанная с социальными сетями. Социальная сеть, в отличие от отдельного человека, обладает длительной исторической памятью. Это хорошо видно на примере балканских межэтнических конфликтов. Конфликт между сербами и албанцами (а также между албанцами и греками) имеет по меньшей мере 400-летнюю историю, и связан с тем, что турецкие завоеватели использовали албанцев в качестве полиции. Такие конфликты иногда не проявляют себя десятилетиями и столетиями, но потом внезапно вспыхивают, унося тысячи жизней. Именно поэтому балканскую политику нельзя понять, не зная истории балканских этносов. А что делает этносы целостностью, обладающей памятью? Ответ прост — социальные сети. Именно через социальные сети передаются знания о прошлом, которые ни в каких документах не зафиксированы. Иногда — это песни, былины, "бабушкины сказки". Очень часто — это знание, молчаливое, т.е. не осознаваемое его носителем.

Культура подвластных, то терпящих бесконечные унижения, то внезапно поднимающихся на "бунт, бессмысленный и беспощадный", не в меньшей степени способствовала поддержанию этого феномена "свирепости", чем историческая память элиты, передающаяся "из рук в руки".

Россия — страна политических двусмысленностей и провокаций. Политическое действие здесь можно интерпретировать двояким образом: в соответствии с прямым смыслом и — с "рефлексивным", рассчитанным на заранее запрограммированные действия политического противника. Попытки отдельных представителей элиты организовать бунт могут быть восприняты как стремление найти повод для усиления репрессий. Кто слыл убийство Александра II в день, когда он должен был подписать конституцию? Эти и множество других исторических событий покрыты густой тайной, которую вряд ли удастся быстро развешать.

Историческим проклятием российской элиты является ее "недоуменность", неумение и, главное, нежелание договариваться с общими врагами. Именно "самодержавный произвол" погубил российскую монархию и привел к распаду СССР, поставил "новорожденную Россию" на край гибели в 1993 г. Неспособность российского государства модернизироваться из-за тяжелого исторического наследия — не единственный пример. Испания, Турция, Египет, Алжир несут в себе схожие "исторические проклятия". Можно задать себе вопрос: а как же скандинавские государства? Дело в том, что в период раннего средневековья Норвегия, Дания и Швеция исполняли рабский труд, но ни одно из этих государств не превращалось в рабовладельческое государство. Их политическая и политическая культура формировались в совершенно иных условиях.

Русское общество очень дорого заплатило и продолжает платить за формирование его элитных сетей лежалой работорговли пиринских. Государство, основанное работорговцами, несет на себе тяжелейшую историческую ответственность.

Автор искренне признателен Л.Е. Бахтеру и А.С. Кутымику за полезные обсуждения.

- Бахтер Х.Ф. 2001. *История крымских татар как интерпретация сказания М. Феофана*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Будникова В.П. 1990. *Готы в эпоху великого переселения народов*. М.: Наука.
- Гольб Н., Присяк О. 1997. *Еврейско-хазарские документы Хака*. М.: Иерусалим.
- Гладырина Г.В. 1996. *Исландские викингские саги о северной Руси*. М.: Лад.
- Гладырина Г.В. 2002. *Сага об Илларе путешествиях*. М.: Восточная литература.
- Гуревич А.Я. 1966. *Политика викингов*. М.: Наука.
- Гуревич А.Я. 1972. *История и сага*. М.: Наука.
- Гуревич А.Я. 1979. *"Эдда" и сага*. М.: Наука.
- Даркович В.П. 1976. *Аргонавты средневековья*. М.: Наука.
- Джаксон Т.Н. 1994. *Исландские королевские саги о восточной Европе*. М.: Л.
- Джаксон Т.Н. 2001. *Древнерусские памятники в древнескандинавских источниках*. М.: Л.
- Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузменко Ю.К. 1991. *Графиты на воинов*. Л.: Издательство ленинградского университета.
- Дубов И.В. 1989. *Великий Волжский путь*. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Захлер Б.Н. 1962. *Каспийский след сведений о Восточной Европе*. М.: ИВЛ.
- Исландские саги. 1956. М.: ГИИЛ.
- Константинов Багряногородский. 1989. *Об управлении империей*. М.: Наука.
- Кропоткин В.В. 1960. *Клады римских монет на территории СССР*. М.: Издательство Академии наук.

- Лебедев Г.С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Ломоносовский Х. 1985. *Русь и норманны*. М.: Прогресс.
- Марков А. 1910. *Топография древних восточных монет*. С.-Пб.
- Мельникова Е.А. 1986. *Древне-скандинавские географические сочинения*. М.: Наука.
- Мишин Д.Е. 2002. *Сахалин. Славяне в арабском мире*. М.: ИВ РАН.
- Новоселов А.П. 1990. *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*. М.: Наука.
- Повесть временных лет*. Ч. I, под ред. В.П.Адриановой-Перетц. 1950. М.-Л.
- Пиновилов Ю.С. 2006. *Русская власть и публичная политика*. — *Политика*, № 1.
- Рыдзевская Т.В. 1988. *Похребная с монетами X-XI вв. на территории древней Руси*. М.: Наука.
- Рыдзевская Е.А. 1978. *Древняя Русь и Скандинавия IX-XVI вв.* М.: Наука.
- Седов В.В. 1976. *Этногенез и этническая история славянских и балканских народов*. в сб. *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. М.: Наука, 1976.
- Седов В.В. 2002. *Славяне. Историко-археологическое исследование*. М.: Языки славянской культуры.
- Славяне и скандинавы*. 1986. М.: Прогресс.
- Стеблин-Каменский М.И. 1967. *Культура Исландии*. М.: Наука.
- Стеблин-Каменский М.И. 1971. *Мир сам*. Л.: Наука.
- Сергеев В.М. 2012. "Империтивная политика" в раннесредневековых пре-государствах. — *Политика*, № 1.
- Фалдеева Т.М., Шапошников А.К. 2005. *Княжество Феодоро и его князья*. Симферополь.
- Фасмер М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Прогресс.
- Янин В.Л. 1956. *Денежно-весовые системы русского средневековья. Давомольский период*. М.: Издательство Московского Университета.
- Nerman B. 1942. *Sveriges Fornas Starhetstid*. Stockholm.
- Nihlen J. 1928. *Under Rutar Segel*. Stockholm.
- North D. 1991. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Oxford: Oxford University Press.
- Sergeyev V.M., Biryukov N.I. 1993. *Russia's Road to Democracy, Parliament, Communism and Traditional Culture*. Aldershot: Edward Elgar.

МЕТАФИЗИКА ЭЛИТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ¹

О.В. Гаман-Голутвина

Ключевые слова: Россия, элиты, власть, метафизика, геократия, тизация, трансформация.

Недавние и предстоящие годы богаты поводами для размышлений о результатах последних двух десятилетий российской истории: 2011-й был десятилетием со дня основания Российской Федерации; в 2013 г. исполняется пять лет с момента принятия действующей Конституции РФ. В каком из десятилетий было прошедшее десятилетие? Ответы на этот вопрос ищутся в предельно широком диапазоне — от бравадно-восторженного приписывания вердикта — *falling rate*. Полагая, что в поисках объективности уместно обратиться к различиям между определенно успешными государствами и теми, что не могут похвалиться достижениями. В данном тексте рассмотрим особенности нынешнего состояния российской политической системы представленных Лоренсом Харрисоном [Harrison 2000] суждений о динамично развивающихся и стагнирующих культурах².

1. **Надеждность в будущее.** Прогрессивные культуры устремлены в будущее, в то время как статичные культуры ориентированы на настоящее или на прошлое.

Если обратиться к нынешним российским реалиям, то предельная надежда на сиюминутном, поглощенность узкими — во всех смыслах — проблемами, отсутствие не просто вкуса к стратегии, но элементарного интереса к ней — одна из доминант претворяющей в российском обществе сиюминутной философии и преобладающих дискурсов.

2. **Труд и успех.** В прогрессивных культурах, в отличие от статичных, приносимые или плоды считаются главным фактором успеха. В обществах первого типа работа упорядочивает повседневную жизнь, а трудолюбие и стремление к успеху не только вознаграждаются финансово, но и почетом и уважением окружающих, и самоуважением.

У нас успех, прежде всего материальный, стал иконой. Успеху вкучено познание — эта мысль Лиона Фейхтвангера применительно к России может считаться максимальной современной жизненной философией. К ней добавим принципиально важное измерение: успех, добытый ценой — "стыдно быть бедным"... Что касается — в широком смысле — эффективности производственных усилий, то с этим — совсем плохо: труд остав-

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна, доктор политических наук, зав. кафедрой политической социологии МГИМО (У) МИД России, Президент Российской ассоциации политологов. Для связи с автором: gaman@mgimo.ru

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 11-01-00000.

² Стоит оговориться, что ни критерии Харрисона, ни оценка в этой системе координат российских реалий не претендуют на исчерпывающие характеристики — речь идет о доминирующих тенденциях, которые, конечно же, не исчерпывают весь спектр социальных на-